

УДК 340.1
DOI 10.52452/19931778_2021_3_141

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РАБОТАХ В.И. ЦЫГАНОВА: ВЗГЛЯД ОТРАСЛЕВИКА

© 2021 г.

С.С. Тихонова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

sstikhonova@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.02.2021

Настоящая статья посвящена оценке общетеоретических научных трудов В.И. Цыганова на предмет развития в них имеющих значение для отрасли уголовного права юридико-технических воззрений о элементарном составе инструментария современной правотворческой (нормотворческой) техники. Используя системный, логический метод, методы описания и обобщения, автор статьи выявляет определенную рассогласованность общетеоретического и отраслевого понимания отнесения тех или иных явлений правовой действительности к юридико-техническому инструментарию и приходит к выводу о необходимости междисциплинарных юридико-технических исследований, которые должны стать основой для разработки многоуровневого и многоэлементного (нормативно-структурного, документально-технического (реквизитного), языкового, логического и познавательно-юридического) отраслевого юридико-технического инструментария.

Ключевые слова: юридическая техника, юридико-техническое правило, юридико-техническое средство, юридико-технический прием.

Определение понятия юридической техники впервые было дано в работах Р. Иеринга в XIX в. в рамках доктрины формально-юридического анализа формы и структуры права. С тех пор юридическая техника стала самостоятельной отраслью знаний. Рассматривая современное понятие юридической техники, необходимо выделить два основных подхода к его определению: *документационный (документарный)* и *коммуникационный (деятельностный)* [1, с. 243].

Согласно документационному подходу юридическая техника определяется как совокупность юридико-технических инструментов подготовки, составления, оформления, систематизации и учета в процессе юридической работы правовых актов различного вида [2, с. 82, 86]. Сторонниками данного подхода считается, что юридическая техника возникла исторически одновременно с писаным правом, а ее социально-правовое назначение – разработка документальных форм правовой регламентации. Таким образом, юридическая техника не мыслится вне *юридического документа*, выступающего предметом применения юридико-технических инструментов – средств (приемов), методов (способов), требований, правил и принципов.

Согласно коммуникационному подходу юридическая техника определяется как техника коммуникации в юридической среде, посредством которой «обеспечивается связь между гражданами, социальными слоями населения, гражданским обществом в целом, и государством в

лице его правотворческих и правоприменительных органов» [3, с. 9]. Социально-правовое назначение юридической техники при таком подходе – перевод социальных потребностей на язык права, как за счет создания юридических документов, так и при внедокументарном юридическом общении.

В работах В.И. Цыганова по теории права юридическая техника первоначально определялась как совокупность юридико-технических инструментов, «используемых при выработке, принятии, опубликовании, применении, толковании и систематизации нормативно-правовых актов» [4, с. 136, 235; 5, с. 161]. При этом в разряд юридико-технических инструментов автор включал только средства (приемы) и правила, оставляя за пределами внимания юридико-технические методы (способы), требования и принципы. Представленное определение юридической техники свидетельствует об использовании В.И. Цыгановым документационного подхода к ее пониманию, а также о первоначальном отождествлении им юридической и правотворческой техники, встречающемся и в работах других отечественных теоретиков (так называемое «понимание юридической техники в узком смысле») [6, с. 76; 7, с. 313]. В дальнейшем определение юридической техники было расширено автором за счет упоминания «реализации и применения права, направленных на обеспечение качества его формы и содержания» [8, с. 129; 9, с. 129]. Таким образом, в определении юридической техники стали от-

ражаться такие самостоятельные (стержневые) формы ее реализации, как правотворческая (нормотворческая), правореализационная, правоприменительная и правосистематизационная. Тем не менее состав юридико-технических инструментов остался неизменным – юридико-технические средства (приемы) и правила.

Рассматривая *юридико-техническое правило* в качестве юридико-технического инструмента правотворческой (нормотворческой) формы реализации юридической техники «высшего уровня», В.И. Цыганов присоединяется к следующему известному в теории права определению его понятия: «разработанный наукой и (или) официально установленный норматив, соблюдение которого в процессе юридической деятельности выступает критерием ее качества» [10, с. 31]. Однако в данном определении отсутствует указание на существенный признак юридико-технического правила, отличающий его от таких юридико-технических инструментов, как средство (прием) и метод (способ). Речь идет об императивном характере юридико-технического правила. Непридание юридико-техническому правилу характера императивного норматива приводит В.И. Цыганова к выводам о возможности большей или меньшей степени распространенности тех или иных юридико-технических правил в правотворческой (нормотворческой) практике [4, с. 137; 8, с. 137; 9, с. 137]. Однако представляется, что большей или меньшей степенью распространенности способны обладать не юридико-технические правила, а *юридико-технические методы (способы)*, представляющие собой различные варианты применения в правотворческой (нормотворческой) практике юридико-технических средств (приемов). Степень распространенности того или иного юридико-технического метода (способа) зависит от представлений субъектов правотворчества (нормотворчества) об удобстве пользования нормативным текстом, его коммуникативной эффективности и т.д. И задача представителей юридико-технической науки – осуществление текущего отбора наиболее оптимального из предлагаемых юридико-технической наукой и апробированных правотворческой (нормотворческой) практикой юридико-технических методов (способов) в целях закрепления за данным методом (способом) статуса *юридико-технического требования*, т.е. императивного норматива. И здесь необходимо провести разграничение понятий юридико-технического требования, правила и принципа. Несмотря на то что все эти юридико-технические инструменты характеризуются императивностью, они отличаются друг от друга

по объему. Так, *юридико-технические требования* – императивные нормативы создания, изменения, дополнения и отмены нормативно-правовых актов, соблюдение которых обеспечивает их качество; *юридико-техническое правило* – система юридико-технических требований; *юридико-технический принцип* – руководящее юридико-техническое правило.

Взаимосвязь юридико-технических инструментов правотворчества (нормотворчества) такова, что с течением времени неизбежно осуществляется трансформация определенных юридико-технических методов (способов) в императивные нормативы. Критерием же данной трансформации выступает доктринальное признание, а также, отчасти, нормативная закреплённость юридико-технического инструмента в нормативно-правовых актах и методических рекомендациях [11, с. 8; 12, с. 156–157]. Юридико-технические инструменты могут быть *общими*, имеющими межотраслевой характер, и *специальными*, относящимися к конкретной отрасли права и образующими *отраслевую типизацию*. В этой связи в науке уголовного права актуализируется вопрос о перечне соответствующих общих и специальных, и особенно – императивных, юридико-технических инструментов правотворчества (нормотворчества). Существенный вклад в составление данного перечня вносят работы В.И. Цыганова по теории права, в которых представлена авторская оценка как общих, так и специальных, в т.ч. именно уголовно-правовых, юридико-технических инструментов.

В зависимости от функционального назначения юридико-технические инструменты могут быть классифицированы по 6 группам – элементам правотворческой (нормотворческой) техники: (1) нормативно-структурный, (2) документально-технический (реквизитный), (3) языковой, (4) логический, (5) познавательно-юридический (содержательный) и (6) процедурный [13, с. 39; 14, с. 12–13].

Рассматриваемые в работах В.И. Цыганова юридико-технические средства (приемы) *нормативно-структурного элемента правотворческой (нормотворческой) техники* позволяют выявить спорные вопросы определения понятий, входящих в систему понятий юридической техники, и расширить представления о составе юридико-технического инструментария.

Так, неизменно признавая уголовное право базовой отраслью российского права [4, с. 140; 5, с. 166; 8, с. 142; 9, с. 142], В.И. Цыганов обращает особое внимание на значимость отраслевых «кодификационных законов» [4, с. 121; 5, с. 142; 8, с. 119; 9, с. 117], в частности, Уголовного кодекса России (далее – УК РФ). Рассмат-

ривая в качестве юридико-технического средства (приема) деление кодекса на Общую и Особенную части, а также на иные рубрики различного уровня («статья, ее абзацы, пункты, части; деление акта на главы, разделы и т.п.»), В.И. Цыганов подчеркивает тем самым значимость многоуровневой системы рубрикации, необходимость наличия в ней макро- (подсистем кодекса) и микроэлементов [4, с. 137; 5, с. 163; 8, с. 132; 9, с. 132]. Современная система рубрикации в УК РФ характеризуется сложной двухуровневой системой микроэлементов: трехуровневая система основных рубрик (снабженных заголовками) – раздел/глава/статья; двухуровневая система вспомогательных рубрик (не снабженных заголовками) – часть статьи/пункт части статьи. Однако в работах В.И. Цыганова особая значимость придается лишь одному из основных микроэлементов системы рубрикации – *статье*: «статья – это средство внешнего закрепления нормы» [4, с. 114; 5, с. 133; 8, с. 109; 9, с. 109]; «структурным элементом нормативно-правового акта является не логическая норма права, а нормативное предписание, т.е. формально закрепленное в статье, логически завершенное властное веление правотворческого органа» [4, с. 111–112; 5, с. 130; 8, с. 107; 9, с. 107]. Полностью соглашаясь с утверждением о том, что «структурным элементом нормативно-правового акта» (по-видимому, имеется в виду его так называемая «элементарная частица») выступает *нормативное предписание*, в целях согласования данного утверждения с положениями современного кодифицированного уголовного закона следует исключить из определения понятия нормативного предписания указание на вид рубрики, который в УК РФ не ограничивается статьей. Более того, нормативное предписание может быть включено в УК РФ в структурное образование, находящееся вообще за пределами системы рубрикации, – в примечание. Примечание в нормативно-правовом акте рассматривается в отечественной науке как нетипичное, относительно самостоятельное юридико-техническое средство (прием) конструирования нормативных предписаний, носящих сопроводительный характер [10, с. 343; 13, с. 226]. Сопроводительный характер примечаниям придает их привязка к рубрикам нормативно-правового акта, имеющимся в системе его рубрикации, в УК РФ – привязка к статьям. Подытоживая, нормативное предписание целесообразно рассматривать вне привязки к рубрикам вообще и статьям в частности, а именно – как «логико-грамматическую конструкцию, оформленную в виде отдельного предложения» [13, с. 758; 15, с. 63–64; 16, с. 98–114].

Обращаясь к вопросу о возможности нахождения нормативных предписаний за пределами системы рубрикации, необходимо вспомнить о преамбуле, рассматриваемой В.И. Цыгановым в качестве «ненормативного элемента нормативно-правовых актов» [4, с. 141; 5, с. 167; 8, с. 144; 9, с. 144]. Подобный подход вызывает возражения ряда ученых: «один из признаков права, как известно, – нормативность, и в этой связи представить в праве, в нормативном массиве ненормативные элементы едва ли возможно» [17, с. 180]. Положениям преамбулы ими придается статус «особой нормативности», «отправных нормативных установлений», «правовых деклараций» [10, с. 95, 97, 99; 17, с. 275–280]. Однако в связи с отсутствием преамбулы к УК РФ вопрос о правовой природе ее содержания не является актуальным для уголовного права, в отличие от вопроса о принципах права, в частности принципах уголовного права, рассматриваемого в работах В.И. Цыганова.

Выделяя в нормативно-правовых актах такую разновидность нормативных предписаний, как «предписания-принципы» [4, с. 112; 5, с. 130; 8, с. 107; 9, с. 107], В.И. Цыганов справедливо характеризует их как «идеологическую объединяющую основу» [4, с. 100; 5, с. 120; 8, с. 98; 9, с. 99], указывая в качестве отличительного признака, позволяющего разграничить *правовые принципы* и *правовые идеи*, непосредственную закреплённость первых в «официальных нормативных документах» [4, с. 101]. Однако с указанным критерием разграничения трудно согласуется приводимый автором пример уголовно-правовых принципов – «презумпция невиновности... принцип императивности» [5, с. 120; 8, с. 99; 9, с. 100], поскольку в УК РФ закреплены только принципы законности (ст. 3 УК РФ), равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), вины (ст. 5 УК РФ), справедливости (ст. 6 УК РФ), гуманизма (ст. 7 УК РФ) и, по мнению некоторых ученых, принцип «ответственности» [18, с. 75] или «основания уголовной ответственности» [19, с. 106, 116] (ст. 8 УК РФ). В этой связи нельзя не отметить, что использование традиционных классических примеров в работах по теории права (включая упоминание презумпции невиновности) обладает рискованностью и подчас приводит к упрощенным выводам. Так, стандартным сложившимся в теории права представлением о методе правового регулирования, характерном для отрасли уголовного права, является представление о нем как о методе принуждения. Как вывод – признание *запрещающими*, т.е. устанавливающими обязанность не совершать определенные действия, «всех норм Особенной части УК» [4, с. 112;

5, с. 131; 8, с. 108; 9, с. 108]. Однако, в действительности, характером запрета не обладают включенные в Особенную часть УК РФ нормативные предписания, предусмотренные ст. 331 УК РФ «Понятие преступлений против военной службы» (ч. 1 – легальная дефиниция; ч. 3 – правовая отсылка) и многочисленными примечаниями к статьям Особенной части УК РФ. В числе последних: дефинитивные предписания; отсылочные предписания; поощрительные предписания (привилегированные, стимулирующие); исключаящие предписания (гарантирующие); поясняющие предписания (содержащие дополнительную уточняющую информацию, не являющуюся легальной дефиницией).

Обращаясь к характеристике в работах В.И. Цыганова одной из вышеперечисленных разновидностей нормативных предписаний – *отсылочных*, следует подчеркнуть, что «систему ссылок» автор относит к средствам (приемам) юридической техники [5, с. 161; 8, с. 131; 9, с. 131]. В УК РФ данное общее юридико-техническое средство (прием) создания сложно-составных нормативных предписаний применяется как в Общей, так и в Особенной части [20, с. 55–58]. Рассматривая правовую отсылку в качестве юридико-технического средства (приема) обеспечения внутренних логических системных связей, а также внешних конструкционных связей между нормативными предписаниями одной и той же либо различной отраслевой принадлежности, представители уголовно-правовой науки оперируют следующей терминологией. Нормативные предписания, содержащие отсылку к нормам текущего закона, называют *ссылочными* (или *условно-сокращенными*, поскольку полное представление о содержании уголовно-правового регулирования по определенному вопросу ссылочное предписание дает только в совокупности с дополнительным предписанием, на которое указывает). Нормативные предписания, содержащие отсылку к тексту нормативно-правового акта другой отраслевой принадлежности, называют *бланкетными* (*опосредованно определяющими*). В работах В.И. Цыганова используется иная терминология, представляющая несомненный научный интерес: *ссылочной* автор именует диспозицию, которая содержит отсылку «к другой норме этого или иного нормативного акта», *бланкетной* – «не к нормативно-правовому, а к иному акту» [4, с. 110; 5, с. 129; 8, с. 106; 9, с. 106].

Наряду с правовыми отсылками к юридико-техническим инструментам, образующим нормативно-структурный элемент правотворческой (нормотворческой) техники, относятся *юридические конструкции* – «схемы, модели, типовые

образцы, используемые законодателем для построения правовых норм» [21, с. 158]. Приводя примеры юридических конструкций, В.И. Цыганов акцентирует внимание на юридических конструкциях состава правонарушения в различных отраслях российского права [4, с. 137; 5, с. 162; 8, с. 131; 9, с. 131]. Применительно к отрасли уголовного права речь идет о юридической конструкции состава преступления, используемой в Особенной части УК. При этом следует отметить, что УК РФ содержит и множество других функциональных типов юридических конструкций: конструкции обстоятельств, исключающих преступность деяния, в Общей части; конструкции мер уголовно-правового характера в Общей части; конструкции освобождения от уголовной ответственности в Общей части и Особенной части; конструкции освобождения от наказания в Общей части и Особенной части; конструкции санкций в Особенной части и т.д.

Рассматривая юридические конструкции в качестве юридико-технического средства (приема) и давая оценку качеству их создания, В.И. Цыганов указывает, что «наиболее эффективные юридические конструкции» создаются с использованием *метода сравнительного правоведения*, представляющего собой изучение правовых систем путем сопоставления одноименных правовых институтов [4, с. 16; 5, с. 21; 8, с. 22; 9, с. 24]. Однако данная позиция вызывает определенные сомнения применительно к уголовно-правовой сфере. Для учета позитивного опыта зарубежных государств по борьбе с преступностью, основанной на использовании определенных юридических конструкций, необходимо провести не только оценку текста иностранного уголовного закона, но и оценку судебно-следственной практики его применения, учитывая многочисленные национальные особенности, влияющие на процессы правоприменения, включая правовую ментальность. Специфика российского культурологического типа личности (преступников, потерпевших, правоприменителей и т.д.) и специфика условий осуществления правоприменительной деятельности (неоднородность территорий по географическому и этнографическому составу, протяженность территорий и т.п.) порождает сложность прогнозирования эффекта от рецептирования иностранных юридических конструкций. Указанная сложность с неизбежностью приводит к выводу о нецелесообразности их использования. Наличие же подобных конструкций в тексте УК РФ рассматривается, по справедливому выражению профессора А.И. Бойко на теоретическом семинаре «Проблемы кодифика-

ции российского уголовного законодательства: новый Кодекс или новая редакция Кодекса» (Академия Генеральной прокуратуры РФ, г. Москва, 27 мая 2009 г.), как «ситуативные политизированные полу-мотивированные решения с оглядкой то на Запад, то на Восток».

Характеристика юридико-технического инструментария, входящего в состав *документально-технического (реквизитного) элемента правотворческой (нормотворческой) техники*, выполняющего функцию оформления нормативно-правового акта, как правило, не привлекает особого внимания представителей теории права. В этой связи примечательно, что в работах В.И. Цыганова не упущен вопрос о таких юридико-технических средствах (приемах) данного элемента правотворческой (нормотворческой) техники, как *реквизиты документа* [4, с. 118, 137; 5, с. 138, 163; 8, с. 114, 131; 9, с. 114, 132] и *заголовки основных рубрик* – «названия актов, глав, статей и т.п.», представляющих собой ненормативные составляющие нормативно-правовых актов [4, с. 141; 5, с. 167; 8, с. 144; 9, с. 144].

Характеризуя состав юридико-технического инструментария *языкового элемента правотворческой (нормотворческой) техники*, обеспечивающего оптимальную языковую форму нормативно-правового акта, В.И. Цыганов акцентирует внимание на *юридической терминологии и законодательной стилистике*.

Используя стандартное определение *термина*, как «слова или словосочетания, являющегося названием определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники и искусства» [22, с. 647], В.И. Цыганов тем не менее отступает от логики определения юридического термина, как «слова или словосочетания, являющегося названием определенного понятия, входящего в систему понятий юриспруденции», и дает более широкое определение: «совокупность, система слов и словосочетаний, являющихся названием понятий, используемых в юридической науке и практике» [8, с. 135; 9, с. 135].

На данном авторском определении базируется авторская классификация юридической терминологии [4, с. 137; 8, с. 135; 9, с. 135]:

(1) *общеупотребительная юридическая терминология*, включающая «термины, являющиеся словами обычного литературного языка»;

(2) *специальная юридическая терминология*, включающая «термины, введенные в состав юридической лексики законодателем и юридической доктриной и используемые для наименования того или иного юридического понятия»;

(3) *специальная неюридическая терминология*, включающая «термины, используемые в различных неюридических сферах знаний (биологии,

медицине, экономике, химии и др.) и заимствованные юридической наукой и практикой».

Традиционное понимание термина вообще и юридического термина в частности не позволяет классифицировать юридическую терминологию указанным образом. Так, включаемые в нормативный текст общеупотребительные слова, как знаменательные (существительное, прилагательное, глагол, наречие), так и служебные (союз, предлог, частица и т.д.), не могут рассматриваться в качестве терминов, а составляют так называемый *общесоциальный компонент юридического языка*. В отличие от терминов общеупотребительные слова выполняют в большей степени функцию связующих элементов, обеспечивая смысловую целостность нормативного текста, включая логические связи между терминами [10, с. 114–115]. Включенные же в нормативный текст специальные неюридические термины представляют собой словесное обозначение понятий, не входящих в систему понятий юриспруденции, несмотря на то, что они имеют значение для юридической деятельности, и, таким образом, также не могут относиться к юридическим терминам.

Определяя юридическую терминологию в качестве «средства юридической техники» [4, с. 137; 5, с. 161; 8, с. 134; 9, с. 135], В.И. Цыганов составляет перечень юридико-технических правил ее создания: (1) простота юридической терминологии; (2) единство (тождественность) юридической терминологии; (3) приоритет национальной юридической терминологии. Содержание обозначенных юридико-технических правил представляет несомненный научно-практический интерес и имеет отраслевую значимость, в связи с чем требует более подробного рассмотрения.

1. *Юридико-техническое правило простоты юридической терминологии* [4, с. 137; 5, с. 162]. Раскрывая содержание данного правила, В.И. Цыганов указывает, что «законодатель, стремясь точно передать свою волю, должен в максимально возможной степени обеспечить доступность правового текста посредством использования общеизвестной терминологии» [8, с. 139; 9, с. 139]. Критика выражения «общеупотребительная терминология», использованного В.И. Цыгановым при создании классификации юридической терминологии и, по-видимому, выступающего синонимом выражения «общеизвестная терминология», использованного в данном случае, была представлена выше. Не менее спорной представляется и трактовка автором понятия «простоты терминов». Поднимая проблему обеспечения «доступности правового текста», т.е. *понимаемости права*, как условия

его исполнимости, целесообразно отдельно рассматривать вопросы насыщения нормативного текста общеупотребительными словами и создания оптимальной конструкции юридических терминов.

В первом случае речь идет о *пределах демократизации языка нормативного текста* – допустимой степени его упрощения в целях обеспечения легкости восприятия нормативных предписаний большинством населения Российской Федерации [23, с. 443–448]. В отечественной правовой науке известна позиция, согласно которой в нормативно-правовых актах, выполняющих правоохранительную роль, необходимо «использование максимально простых слов, широко употребляемых в обычном обиходе и легко воспринимаемых большей частью населения» [24, с. 121]. По всей видимости, именно данная позиция, восходящая еще к работам Ш. Монтескье, поднимавшего вопрос о целесообразности упрощения нормативного текста до уровня «людей посредственных» [25, с. 160], легла в основу формулировки юридико-технического правила простоты юридической терминологии в работах В.И. Цыганова. С данной позицией сложно согласиться. Нормативный текст, именно как текст «более высокого порядка», насыщенный юридической терминологией, обладает способностью, во-первых, вызывать уважительное к себе отношение (чего невозможно добиться посредством насыщения текста выражениями, используемыми в повседневной, обыденной жизни), а во-вторых, стимулировать население к повышению уровня собственной правовой культуры за счет формирования у него потребности в уяснении юридической терминологии.

Что касается вопроса об оптимальной конструкции юридических терминов, то следует вести речь не о юридико-техническом правиле, а о *юридико-техническом требовании краткости юридической терминологии* [10, с. 128–132], т.е. создании однословных терминов либо двухкомпонентных терминологических сочетаний. Относительная сложность использования (запоминания, устного и письменного воспроизведения и т.д.) трех-, четырех- (и более) компонентных терминологических сочетаний приводит к их самостоятельному «укорачиванию» адресатами нормативных предписаний, к искажению юридической терминологии, превращению ее в «мертвую терминологию», существующую только в нормативном тексте (так, например, зачастую в целях сокращения количества слов-компонентов в объемных терминологических сочетаниях, используемых в УК РФ для обозначения мер уголовно-правового ха-

рактера, «принудительные меры воспитательного воздействия» называют «воспитательными мерами», «принудительные меры медицинского характера» – «медицинскими мерами» и т.д.). В этой связи следует признать юридико-технической ошибкой создание в доктрине и введение в текст законодательного акта сложных терминологических конструкций. Юридический смысл какого-либо понятия, выраженного при помощи терминологического сочетания, не может быть познан путем суммирования словарного значения слов-компонентов. А значит, «наращивание» данных слов при создании юридической терминологии является бессмысленным.

2. *Юридико-техническое правило единства (тождественности) юридической терминологии*, т.е. использования одного термина для обозначения одного понятия [4, с. 137; 5, с. 161; 8, с. 137; 9, с. 137]. Полностью соглашаясь с содержанием данного императивного норматива, тем не менее, как и в предыдущем случае, представляется нецелесообразным наделять его статусом юридико-технического правила. Речь следует вести о *юридико-техническом требовании единства (моносемичности, однозначности, тождественности) юридической терминологии*. В отраслевом преломлении данное требование предполагает использование законодателем всех повторяющихся терминов в УК РФ в одном и том же унифицированном значении либо прямое указание на иное в самом тексте УК РФ.

По мнению В.Ю. Туралина, однозначность юридического термина является его признаком [10, с. 115]. При таком подходе получается, что в случае когда одно и то же слово используется в законодательном акте для выражения различных юридических понятий, оно уже не может считаться юридическим термином, а, видимо, должно признаваться общеупотребительным словом. Но однозначность (единство, моносемичность, тождественность) – это не признак, а юридико-техническое требование конструирования юридической терминологии. В случае нарушения данного требования законодателем слово не перестает относиться к разряду юридических терминов, а становится «многозначным юридическим термином» [10, с. 128–132], что является юридико-технической ошибкой.

3. *Юридико-техническое правило приоритета национальной юридической терминологии*, т.е. использования государственного языка [8, с. 137; 9, с. 137] вместо иностранных слов. В данном случае также целесообразнее говорить не о юридико-техническом правиле, а о юридико-техническом требовании, которое предполагает отказ не от всех иностранных слов («избегать проникновения в отечественную правовую

систему иностранной терминологии невозможно и противостоять этому бессмысленно» [26, с. 90]), а отказ от их необоснованного использования, когда они имеют аналог в русском языке в виде краткой языковой конструкции [10, с. 130; 27, с. 97].

Юридическая терминология включается В.И. Цыгановым в состав языковых средств, образующих *законодательный стиль* [8, с. 138; 9, с. 138]. Наряду с юридической терминологией в числе языковых средств автором указаны и «юридические конструкции». Очевидно, что В.И. Цыганов не имел в виду собственно юридические конструкции, выступающие юридико-техническим средством (приемом) нормативного структурирования. По всей видимости, речь идет о грамматических, лексических, синтаксических и фразеологических конструкциях. Так, например, к *отвлеченно-обобщенным грамматическим языковым конструкциям*, используемым для указания на распространяемость нормативных предписаний на неопределенный круг лиц, относятся: отглагольные существительные (например, «выполнение», «отбывание», «осуществление», «предупреждение», «причинение»); глагольные формы с ослабленным значением времени, лица и числа (например, «исполняются», «исчисляются», «наказывается», «подлежит», «соответствуют»); отсутствие личных местоимений 1-го лица и наличие местоимений без конкретного предметного содержания (например, «...за которое оно осуждается...», «...если они не были осуждены...»); отыменные предлоги (например, «в отношении», «на основании»). К *синтаксическим языковым конструкциям с одинаковым лексическим составом*, используемым для повышения коммуникативной эффективности законодательного текста за счет минимизации рассеивания внимания адресата, а значит, и для уменьшения временных затрат на обработку правовой информации, содержащейся в законодательном тексте, относятся однотипные стандартные формулировки (речевые стереотипы, фразы-клише, шаблонизированные обороты) [28, с. 37]. Так, в тексте УК РФ десятки раз повторяются выражения «в случае злостного уклонения», «в соответствии с законодательством Российской Федерации», «не является преступлением», «освобождается от уголовной ответственности, если», «подлежит уголовной ответственности», «предусмотрено соответствующей статьей/ статьями Особенной части настоящего Кодекса», «то же деяние, совершенное» и т.д.

Законодательный стиль во многом определяет эффективность нормативного регулирования [13, с. 282]. В этой связи поиск адекватной язы-

ковой формы, типа словоупотребления, ориентированного именно на передачу правовой информации, является одним из важных аспектов законотворчества [15, с. 64; 29, с. 61–62]. По справедливому утверждению В.И. Цыганова, «для стиля нормативных актов должна быть характерна четкая, энергичная передача мыслей, направленная на формирование установки на выполнение правовых предписаний» [8, с. 139; 9, с. 139]. Подобный эффект достигается за счет наличия в законодательном тексте утвердительно-повествовательных предложений с явным или косвенным описанием должного поведения адресата. Отсюда и наименование данных предложений – *долженствующие-предписывающие* либо *констатирующие-предписывающие*.

Характеризуя законодательный стиль, невозможно обойти вниманием *юридико-техническое требование запрета длиннот* в законодательном тексте. Данное требование нашло отражение в п. 3.24 письма Министерства юстиции РФ от 23 февраля 2000 г. № 1187-ЭР «Рекомендации по подготовке и оформлению федеральных законов» [30, с. 564–583], в соответствии с которым нормы закона должны формулироваться по возможности короткими фразами. Полностью соглашаясь с данным требованием, В.И. Цыганов отмечает в своих работах, что «законодатель должен стремиться к краткости формулировок» [8, с. 139; 9, с. 139]. Однако в отечественной правовой науке известна позиция, согласно которой «информационный компонент законодательства увеличивается за счет введения в его текст причастных и деепричастных оборотов, однородных членов, придаточных предложений и пр.» [24, с. 34]. Данная позиция вызывает сомнения. Усложнение языка закона за счет конструирования в законодательном тексте объемных предложений, насыщенных большим количеством относительно самостоятельных смысловых компонентов, затрудняет усвоение соответствующего нормативного предписания его адресатом, который вынужден «продираться сквозь словесный и стилистический частокол к подлинному смыслу юридической нормы» [6, с. 100]. В этой связи следует поддержать формализацию *юридико-технического требования запрета длиннот* за счет указания конкретных цифровых показателей количества слов предложения в законодательном тексте – не более 30 слов [10, с. 156]. В то же время следует помнить, что запрет длиннот не распространяется на перечни. Кроме того, возможна отраслевая специфика расчета длиннот. Так, в УК РФ в связи с отсутствием потребности в целостном восприятии

нормативного предписания, закрепленного в конкретной части статьи Особенной части и состоящего из диспозиции и санкции (диспозиция анализируется в процессе квалификации преступления, санкция анализируется в процессе индивидуализации наказания), необходима отдельная оценка диспозиции и санкции на предмет наличия в них длиннот. При этом для ликвидации длиннот могут быть использованы не только методы расчленения предложений в законодательном тексте, но и графические юридико-технические средства – абзацный отступ, введение пунктов, дробящих нормативное предписание на отдельные, несдвигающиеся смысловые единицы.

Переходя от характеристики состава юридико-технического инструментария *языкового элемента правотворческой (нормотворческой) техники* к составу юридико-технического инструментария *логического элемента правотворческой (нормотворческой) техники*, обеспечивающего оптимальную логическую структуру нормативно-правового акта, В.И. Цыганов акцентирует внимание в своих работах на общих юридико-технических средствах (приемах) – *правовых презумпциях* и *правовых фикциях*.

Рассматривая *юридический факт* как «реальные жизненные обстоятельства, которые в соответствии с правовыми нормами влекут возникновение, изменение и прекращение правоотношений» [4, с. 151–152, 235; 5, с. 179; 8, с. 154; 9, с. 154], В.И. Цыганов определяет *презумпцию* как «закрепленное в нормах права предположение о существовании некоторого факта, которое считается достоверным, если (пока) не будет доказано обратное» [4, с. 154, 232; 5, с. 182; 8, с. 156; 9, с. 156]. Данное определение отражает сущность вероятного оспоримого положения, введенного в законодательный текст. Однако соответствующее положение может касаться как существования юридического факта, так и его отсутствия [31, с. 251–263]. Так, например, в ст.ст. 79–80 УК РФ косвенно закрепляется *презумпция неисправленности*, т.е. отсутствия исправления лица, не полностью отбывшего срок назначенного судом наказания (возможность опровержения предусмотрена теми же статьями УК РФ).

В качестве примера правовой презумпции в работах В.И. Цыганова названа *презумпция знания закона (правознакомства)* [4, с. 154; 5, с. 182; 8, с. 156; 9, с. 156], упоминание которой встречается и в трудах других отечественных теоретиков [10, с. 2; 32, с. 89; 33, с. 65–70]. Презумпция знания закона трактуется как принятие законодателем за истину предположения о том, что после соблюдения установленного порядка

вступления закона в силу он становится общеизвестным и нельзя ссылаться на его незнание (*ignorantio non est argumentum*). Не оспаривая существования данной презумпции во всех отраслях российского права, тем не менее можно категорически утверждать, что она отсутствует в уголовном праве. Во-первых, определение правовой презумпции требует наличия «закрепленного в нормах права предположения...», которое не введено в текст УК РФ. Во-вторых, данное предположение «считается достоверным, если (пока) не будет доказано обратное». Однако несмотря на то, что в конкретном случае может быть доказана невозможность лица ознакомиться с текстом УК РФ, этот факт не имеет никакого юридического значения, т.к. он не относится ни к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, ни к основаниям освобождения лица от уголовной ответственности или наказания, предусмотренным УК РФ. Таким образом, отсутствует юридическая возможность учета последствий опровержения якобы предполагаемого обстоятельства, т.е. опровержение является бессмысленным. Теоретики, приводящие презумпцию знания закона в качестве примера, фактически допускают существование в праве странных логических конструкций – *неопровержимых (неоспоримых) правовых презумпций* [34, с. 312–313; 35, с. 34; 36, с. 45–55]. Выделение подобных конструкций было подвергнуто критике в уголовно-правовой литературе [37, с. 130] и на профильном Международном «круглом столе» на тему «Правовые презумпции: теория, практика, техника» (г. Нижний Новгород, Нижегородская академия МВД России, 23–24 сентября 2010 г.) в докладах А.В. Козлова, Л.Л. Кругликова, В.А. Сапуна.

Правовая фикция определена В.И. Цыгановым как «несуществующие обстоятельства, которые в соответствии с нормами права признаны существующими и, как следствие, способны влечь юридические последствия» [4, с. 154, 234; 5, с. 182; 8, с. 156; 9, с. 156]. В приведенном определении находит отражение только *положительная фикция*, в то время как возможна и *отрицательная фикция* – введение в текст законодательного акта положения об отсутствии юридических фактов, имеющих место в действительности [38, с. 97–103]. Так, например, отрицательной уголовно-правовой фикцией является приравнивание к отсутствию судимости ее наличия за: (а) умышленное преступление небольшой тяжести; (б) преступление, совершенное в возрасте до 18 лет; (в) преступление, осуждение по которому признавалось условным либо лицу предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если они не отменялись и лицо

не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы (ст. 18 УК РФ).

В отличие от рассмотренных выше нормативно-структурного, документально-технического (реквизитного), языкового и логического элементов правотворческой (нормотворческой) техники, один из наиболее сложных в плане определения состава юридико-технического инструментария – *познавательльно-юридический (содержательный) элемент правотворческой (нормотворческой) техники*, функциональное назначение которого – создание законодательной модели правового регулирования общественных отношений. Не рассматривая подробно порядок создания данной модели, В.И. Цыганов обращает в своих работах внимание на необходимость формулирования принципов законодательства, направленных на минимизацию субъективизма в деятельности законодателя, представляющей собой совокупность «субъективных интеллектуально-волевых актов» [4, с. 126; 5, с. 148; 8, с. 122; 9, с. 122]. И один из указанных В.И. Цыгановым принципов – *принцип научности законодательства*, означающий, «что подготовка и принятие нормативно-правовых актов должны осуществляться с использованием научных данных о различных сферах общественной жизни» [4, с. 131–132; 5, с. 154; 8, с. 123; 9, с. 123], в полной мере отражает потребности научного юридического сообщества по внедрению результатов своих научных исследований в практическую жизнь.

Изучение представленного в работах В.И. Цыганова материала о юридико-технических средствах (приемах) и правилах, образующих различные элементы правотворческой (нормотворческой) техники, способствует систематизации общетеоретических юридико-технических знаний. Выявляемые противоречия в общетеоретических и отраслевых подходах к определению базовых юридико-технических понятий свидетельствуют о необходимости продолжения междисциплинарных исследований в рассматриваемой сфере. И именно межотраслевые исследования должны стать основой для разработки многоуровневого и многоэлементного отраслевого юридико-технического инструментария.

Список литературы

1. Тихонова С.С. Инновационный общетеоретический лекционный курс «Юридическая техника»: взгляд отраслевика. Рецензия на курс лекций «Юридическая техника» под редакцией В.М. Баранова и В.А. Толстика (М., 2013. 384 с.) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2013. № 23. С. 242–249.

2. Кашанина Т.В. *Юридическая техника*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2011. 496 с.

3. Поленина С.В. *Юридическая техника как социальный феномен в условиях модернизации* // *Государство и право*. 2011. № 9. С. 5–14.

4. Цыганов В.И. *Теория государства и права: Тезисы лекций*. Н. Новгород: Вектор ТиС, 2009. 292 с.

5. Цыганов В.И. *Теория государства и права: Тезисы лекций*. Н. Новгород: Кириллица, 2012. 272 с.

6. Бабаев В. К. *Теория современного советского права: Фрагменты лекций и схемы*. Горький: Изд-во НВШ МВД России, 1990. 156 с.

7. Пучков О.А. *Формы (источники) права*. Правотворчество // *Теория государства и права*. М., 1997.

8. Цыганов В.И. *Теория государства и права: Тезисы лекций*. 8-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: Кириллица, 2017.

9. Цыганов В.И. *Теория государства и права: Тезисы лекций*. 8-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2017.

10. *Юридическая техника: курс лекций* / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. М.: ДГСК МВД России, 2012. 384 с.

11. Лызлов Д.Н., Картухин В.Ю. *Юридическая техника: Учеб. пособие*. М.: Ось-89, 2009. 175 с.

12. *Правотворческая деятельность субъектов РФ: теория, практика, методика* / Отв. ред. А.В. Гайда, М.Ф. Казанцев, К.В. Киселев, В.Н. Руденко. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2001. 448 с.

13. *Проблемы юридической техники: Сб. статей* / Отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НИЮИ МВД России, 2000. 821 с.

14. Тихомиров Ю.А. *Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения* // *Юридическая техника*. 2007. № 1. С. 12–15.

15. *Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: Матер. научно-практ. конф.*, г. Саратов, 25–26 апреля 2002 г. Саратов: Изд-во СГАП, 2002. 112 с.

16. Сырых В.М. *Теория государства и права*. М.: Былина, 1998. 512 с.

17. *Законодотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей*. Т. 1 / Отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001.

18. *Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни*. Ч. 1: Матер. научно-практ. конф., г. Саратов, 28–29 марта 2005 г. Саратов: Изд-во СГАП, 2005. 212 с.

19. Панько К.К. *Методология и теория законодательной техники уголовного права России: Монография*. Воронеж, 2004. 270 с.

20. Тихонова С.С., Аносов А.В., Титушкина Е.Ю. *Теоретические и практические аспекты конструирования ссылочных и бланкетных уголовно-правовых предписаний* // *Актуальные проблемы применения уголовного законодательства Республики Казахстан на современном этапе: вопросы теории и практики: Матер. Межд. научно-практ. конф.*, г. Алматы, 31 августа 2018 г. Алматы: Изд-во Алматинской акад. МВД РК им. Макана Есбулатова, 2018.

21. Рарог А.И., Грачева Ю.В. Законодательная техника и судебское усмотрение // Международное и национальное уголовное законодательство: Матер. III Межд. научно-практ. конф., г. Москва, 23–30 мая 2003 г. М.: ЛексЭст, 2004. С. 158–161.
22. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 20-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
23. Тихонова С.С. Пределы демократизации языка уголовного закона // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 443–448.
24. Кашанина Т.В. Юридическая техника: Учебник. М.: Эксмо, 2007. 510 с.
25. Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 803 с.
26. Власенко Н.А. Язык права: Монография. Иркутск: Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1997. 173 с.
27. Юридическая техника: Учеб. пособие / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М.: Эксмо, 2010. 271 с.
28. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1977.
29. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1995. 300 с.
30. Законотворчество в Российской Федерации: Научно-практ. и учеб. пособие / Отв. ред. А.С. Пиголкин. М.: Формула права, 2000. 608 с.
31. Тихонова С.С. Правовая презумпция – средство придания формальной определенности норме права // Общетеоретический и отраслевой аспекты нормы права: Монография / Под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 251–263.
32. Кругликов Л.Л., Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления). Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2000. 160 с.
33. Панько К.К. Презумпции в уголовном праве как прием законотворчества // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 65–70.
34. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей / Отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001. Т. 2. 543 с.
35. Панько К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): Автореф. дис. ... д-ра юр. наук. Саратов, 2006. 52 с.
36. Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 45–55.
37. Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве: Курс лекций. Н. Новгород: Деком, 2008. 243 с.
38. Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): Дис. ... канд. юр. наук. Абакан, 2004. 185 с.

THE EVOLUTION OF LEGAL TECHNIQUE IN WORKS OF VICTOR TSYGANOV: VIEW OF A SPECIALIST IN CRIMINAL LAW

S.S. Tikhonova

This article is devoted to the evaluation of the general theoretical scientific works of Victor Tsyganov on the question of development of legal technique views on elements of modern rule-making techniques. Using systematic and logical method, methods of description and generalization, the author of the article reveals a certain discordance in the general and sectoral understanding of the attribution of some phenomenon of legal reality to legal technique tools and concludes that there is a need for interdisciplinary legal technique studies, which will form the basis for the development of multi-layered and multi-element (normative, structural, documentary, linguistic, logical and cognitive-legal) sectoral legal technique tools.

Keywords: legal engineering, legal technique, legal technique rules, legal technique tools.

References

1. Tikhonova S.S. Innovative general theoretical lecture course «Legal technique»: the view of an industry specialist. Review of the course of lectures «Legal technique» edited by V.M. Baranov and V.A. Tolstik (Moscow, 2013. 384 p.) // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 23. P. 242–249.
2. Kashanina T.V. Legal technique. 2nd ed., reprint. Moscow: Infra-M, 2011. 496 p.
3. Polenina S.V. Legal technique as a social phenomenon in the context of modernization // State and law. 2011. № 9. P. 5–14.
4. Tsyganov V.I. Theory of state and law: Lecture notes. N. Novgorod: Vektor TiS, 2009. 292 p.
5. Tsyganov V.I. Theory of state and law: Lecture notes. N. Novgorod: Cyrillic Alphabet, 2012. 272 p.
6. Babaev V.K. Theory of modern Soviet law: Fragments of lectures and schemes. Gorky: Publishing House of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1990. 156 p.
7. Puchkov O.A. Forms (sources) of law. Law-making // Theory of State and Law. M., 1997.
8. Tsyganov V.I. Theory of State and Law: Lecture notes. 8th ed., reprint and additional N. Novgorod: Cyrillic Alphabet, 2017.
9. Tsyganov V.I. Theory of state and law: Lecture notes. 8th ed., reprint. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2017.
10. Legal technique: a course of lectures / Ed. by V.M. Baranov, V.A. Tolstik. Moscow: DGC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. 384 p.
11. Lyzlov D.N., Kartukhin V.Yu. Legal technology: textbook. M.: Os-89, 2009. 175 p.
12. Law-making activity of the subjects of the Russian Federation: theory, practice, methodology / Ed. A.V. Gaida, M.F. Kazantsev, K.V. Kiselev, V.N. Rudenko. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001. 448 p.

13. Problems of legal technology: Collection of articles / Ed. V.M. Baranov. N. Novgorod: Publishing House of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. 821 p.
14. Tikhomirov Yu.A. Legal technology – a tool for law-making and law enforcement // *Legal technology*. 2007. № 1. P. 12–15.
15. The subject of criminal law and its role in the formation of the criminal legislation of the Russian Federation: Materials of the scientific and practical conference, Saratov, 25–26 April 2002. Saratov: Publishing House of the SGAP, 2002. 112 p.
16. Syrykh V.M. *Theory of State and Law*. M.: Bylina, 1998. 512 p.
17. The legislative technique of modern Russia: state, problems, improvement: collection articles. Vol. 1 / Ed. by V.M. Baranov. N. Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001.
18. Criminal law, penitentiary principles and their implementation: legislative, and enforcement levels. Part 1: Materials of the scientific and practical conference. Saratov, on March 28–29, 2005, Saratov: Publishing House of the SGAP, 2005. 212 p.
19. Panko K.K. *Methodology and theory of legislative techniques of criminal law in Russia: Monography*. Voronezh, 2004. 270 p.
20. Tikhonova S.S., Anosov A.V., Titushkina E.Yu. Theoretical and practical aspects of the construction of reference and blank criminal law prescriptions // *Actual problems of the application of criminal legislation of the Republic of Kazakhstan at the present stage: questions of theory and practice: Mater. International Scientific and Practical Conference, Almaty, August 31, 2018*. Almaty: Publishing house of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Makan Esbulatov, 2018.
21. Rarog A.I., Gracheva Yu.V. Legislative technique and judicial discretion // *International and national criminal legislation: Mater. III International Scientific and Practical Conference, Moscow, 23–30 May 2003*, Moscow: LeksEst, 2004. P. 158–161.
22. Ozhegov S.I. *Dictionary of the Russian language*. 20th ed., reprint. and add. M.: Russian language, 1988. 750 p.
23. Tikhonova S.S. The limits of democratization of the criminal law language // *Legal technology*. 2014. № 8. P. 443–448.
24. Kashanina T.V. *Legal technology: textbook*. M.: Eksmo, 2007. 510 p.
25. Montesquieu Sh. *Selected works*. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 803 p.
26. Vlasenko N.A. *The language of law: A monograph*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1997. 173 p.
27. *Legal technique: Textbook* / Edited by T.Ya. Khabrieva, N.A. Vlasenko. Moscow: Eksmo, 2010. 271 p.
28. Rosenthal D.E. *Practical stylistics of the Russian language*. 4th ed., reprint. Moscow, 1977.
29. Gubaeva T.V. *Literature in jurisprudence*. Kazan: Kazan University Press, 1995. 300 p.
30. *Lawmaking in the Russian Federation: Scientific-practical and educational manual* / Ed. by A.S. Pigolkin. Moscow: Formula of Law, 2000. 608 p.
31. Tikhonova S.S. Legal presumption – a means of giving formal certainty to the norm of law. General theoretical and sectoral aspects of the rule of law: Monograph / Under the general editorship of R.L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform, 2018. P. 251–263.
32. Kruglikov L.L., Zuev Yu.G. Presumptions in criminal law (in the sphere of responsibility for economic and other crimes). Yaroslavl: Yaroslavl State University Press, 2000. 160 p.
33. Panko K.K. Presumptions in criminal law as a method of lawmaking // *Journal of Russian Law*. 2005. № 3. P. 65–70.
34. Law-making technique of modern Russia: state, problems, improvement: Collection of articles / Ed. V.M. Baranov. N. Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. Vol. 2. 543 p.
35. Panko K.K. Fundamentals of legislative technology in the criminal law of Russia (theory and legislative practice): Abstract of the dissertation of the Doctor of Law. Saratov, 2006. 52 p.
36. Fedotov A.V. The concept and classification of evidentiary presumptions // *Journal of Russian Law*. 2001. № 4. P. 45–55.
37. Tikhonova S.S. *Legal technique in criminal law: Course of lectures*. N. Novgorod: Dekom, 2008. 243 p.
38. Nikitashina N.A. Legal assumptions in the mechanism of legal regulation (legal presumptions and fictions): Dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Abakan, 2004. 185 p.